

Ташкент. 1870 год.

Из воспоминаний Петра Калитина

Необходимое предисловие

Предлагаемый вниманию читателей отрывок из антологии Дм. Логунова “Генерал Калитин”, представляет собой две главы книги, в которых речь идёт о поездке в Ташкент и описание жизни в этом городе в 1870 г.

Пётр Петрович Калитин (1853-1927), офицер русской императорской армии, генерал от кавалерии, соратник Скобелева, участник Туркестанских походов. В Первую мировую войну командовал 1-м Кавказским армейским корпусом. За штурм Эрзерумского укрепрайона награждён Георгиевским оружием, украшенным бриллиантами. С февраля 1920 г. Калитин русский эмигрант, комендант лагеря русских беженцев на о. Лемнос. Затем были Болгария, Югославия и Франция. Его могила стала одним из первых захоронений на русском кладбище в Париже Сент-Женевьев-де-Буа.

О том как попал, 15-летний мальчик Петя Калитин в Туркестан, рассказал, в частности, атаман Краснов в своей книге “На рубеже Китая”. Вот, что он пишет: “Жизнь для Петра Петровича началась неудачно. Вспыльчивый, горячий, несдержанный, в кадетском корпусе, он повздорил с товарищем, и в «запальчивости и раздражении» пырнул противника перочинным ножом. На беду рана оказалась смертельной. Калитана удалили из корпуса с «волчьим билетом». Карьера его была сломана. В ту пору начинались Скобелевские походы в Среднюю Азию. По протекции Куропаткина Калитина отправили в Скобелевский отряд. (...)

Шли годы. Положение Пети надо было узаконить и как-то оформить. Калитина зачислили вольноопределяющимся в Линейный Туркестанский батальон, по весне предложили держать экзамен на офицера. Экзаменовали свои, те, кто хорошо знал и полюбил ловкого, смелого, услужливого, и бойкого юношу. Петя Калитин стал прапорщиком, потом подпоручиком. Исполняя поручение Скобелева, с туркменами проделал он какой-то чуть не трёхсотверстный пробег по пустыне, передал весьма нужное приказание, проехал через враждебные племена и получил за этот подвиг орден Св. Георгия 4-й степени.

Когда устраивался завоеванный край, и был учрежден институт уездных начальников — в Аулие-Атинское ханство, преобразованное в уезд, был назначен уездным начальником молодой штабс-капитан Калитин. Он пришелся очень к месту. Человек, прекрасно говорящий на туземных языках, знающий до тонкости мусульманские обычаи — он явился тем Русским администратором-колонизатором, которые, не раздражая туземное население и не потакая ему, воспитывают его в верности и страхе перед Белым Царем.

К этому времени Калитин пополнил свое образование. Кажется, не было такой книги на Русском, или французском языках, написанной про Азию, про походы Искандера — Александра Македонского, Тамерлана, Бековича-Черкасского, Кауфмана и др., которую Калитин не приобрел бы в свою библиотеку и не прочел бы”.

Написанные сочным, живым языком Воспоминания П. П. Калитина, представляют собой интереснейший материал для изучения истории Туркестана.

В. Фетисов

I. ПУТЕШЕСТВИЕ ИЗ ПЕТЕРБУРГА В ТАШКЕНТ

Целый год я прожил в деревне и в конце июля 1870 года я получил письмо из Петербурга от полковника Генерального штаба Дмитрия Николаевича Шауфуса¹, большого друга моего покойного брата Павла, поручившего ему привезти меня в Ташкент.

Полковник Генерального штаба Д. Н. Шауфус

Дмитрий Николаевич просил меня как можно скорее к нему приехать, так как срок его отпуска уже кончался, и он должен был возвратиться в Ташкент, где служил начальником штаба войска Сырдарьинской области. Я был в восторге от этого предложения. Взяв благословение от своей доброй тети и простившись с немногими родственниками, через три дня приехал в Петербург к Д. Н. Шауфусу, жившему у Поцелуева моста в доме Фитингофа, в квартире своего отца сенатора, жившего со своею дочерью Марусей и младшим сыном Федором Николаевичем или, как его звали в семье, – Фриц, [который] служил в 1-м Туркестанском стрелковом батальоне и, видимо, за свои шалости был *enfant gâté*² этой чинной и степенной семьи.

В Петербурге ко мне на квартиру Шауфуса пришел мой дядя, адмирал в отставке Александр Павлович Арбузов³. Он вынул свою табакерку – жестянку из-под монпансье и стал крутить в гостиной свою толстенную папиросу, рассказывая Шауфусу свою оборону Камчатки от англо-французов в 1853 году⁴, чем очень понравился Шауфусу. Его сын, Евгений Арбузов, в этом году также вышел в офицеры в 1-й Туркестанский стрелковый батальон или, как он тогда назывался, Оренбургский стрелковый батальон, и Александр Павлович передал со мной письмо к своему единственному сыну Евгению. В сопровождении лакея и повара Шауфуса, молодого Петра, я выехал вперед в Москву и Нижний Новгород, где через два дня нас догнал (приехал) Дмитрий Николаевич, и мы поплыли на прекрасном самолетском⁵ пароходе по Волге до Самары. Стояла чудная погода, плавание было очаровательным, и я был в диком восторге. В Нижнем Новгороде я с парохода бросил последний взгляд на свою милую гимназию, где я пережил столько радостных и

---

¹ Дмитрий Николаевич Шафгаузен-Шёнберг-Эк-Шауфус, фамилия часто сокращённо писалась как Шауфус (1842–1893) – поручик (1865), штаб-ротмистр (1865), ротмистр (1866), подполковник (1867), полковник (1869), генерал-майор (1878), герой Туркестанских походов, православный.

² Испорченный ребенок (фр.).

³ Александр Павлович Арбузов (1810–1878) – контр-адмирал в отставке (1863).

⁴ Событие произошло в августе 1854 г.

⁵ Пароходная компания «Самолет» была основана в 1853 году в Твери (первое пароходство было основано в 1835 г.) и была крупнейшей в России, включая 40 пароходов, акционерное общество этого пароходства было очень прибыльным. Так мать путешественника Николая Николаевича Миклухо-Маклая владела акциями пароходства.

горестных минут. Пристань была завалена горами арбузов, дынь и чудных яблок, которые я с наслаждением уничтожал. Я помню, с нами ехал на пароходе какой-то видный и богатый американец. На одной из пристаней он купил большую корзину отличных крупных яблок, но каково же было его негодование, когда оказалось, что чудными были два первых верхних ряда, а остальные были – дрянь. «В следующий раз я буду все проверять», – сказал американец и побранил за нечестность простой русский народ. В Самаре мы остановились на двое суток, чтобы подготовиться к далекому пути на лошадях до Ташкента. У Шауфуса здесь был оставлен его хороший спокойный крытый казанский тарантас, где его сестра была замужем за самарским губернатором.

Из Самары мы ехали на Бузулук и далее через оренбургские казачьи станицы на Орск и Оренбург. Откуда Шауфус, следуя курьерской подорожной, имел поручение по дороге в Туркестан до Ташкента осматривать и инспектировать гарнизоны городов и фортов в Сырдарьинской области. За Бузулуком уже простиралась степи, и я с детским любопытством всматривался в новую для меня природу и своеобразную обстановку жизни в станицах оренбургских казаков.

Сырдарьинская область. Караван

В воздухе пахло дымом кизяка, ибо места эти безлесные. Казаки ходили в киргизских халатах и барашковых шапках. На одной из станций на крыльчке сидел хозяин, содержатель почтового прогона. Он был одет в халат верблюжьего сукна. На наше требование лошадей он ответил: «Сейчас запрягут, только дадим овса». «Эй, Ванька, дай овса коням!» – и молоденький хорунжий оренбургской артиллерии, его сын, побежал за овсом в амбар. Сам содержатель почтовой станции был войсковым старшиной этого войска, участником Черняевских походов⁶. На всех станциях казачки приносили на продажу чудные платки козьего пуха, шали и шарфы. Это их здешняя специальность. Они теплы, нежны, как шелк, и хорошо смотрятся – серого и белого цвета с прекрасными художественными узорами. В

---

⁶ Завоевательные походы русских войск в Среднюю Азию в 1864–1865 гг., предпринятые небольшим отрядом под руководством тогда полковника М. Г. Черняева.

продаже они зовутся оренбургскими платками. Станционные дома чисты, светлы и уютны. Скоро перевалили Уральский хребет, или, вернее, отроги которого здесь имеют вид больших довольно пологих холмов.

Лошадь и сбруя были в порядке, и до Оренбурга везли нас хорошо. Мы ехали и ночью, укладываясь удобно в тарантасе, убаюкиваемые его мягкой качкой. Какое чудное впечатление производит путешествие по степи! Прозрачный чистый воздух, легко дышится на этом необъятном просторе. В Оренбурге еще не было гостиницы для проезжающих на данное время. Интеллигенция, едушая в Ташкент, останавливалась в так называемых Антошкиных номерах, в одноэтажном небольшом домике, где гостиница эта с первобытной базарной обстановкой еще времен Пугачева состояла всего из четырех-пяти комнат, отдававшихся внаймы со столом. Антошка был прежде поваром одного из губернаторов Оренбурга.

Проезжая по берегу Урала через Орскую крепость и сам Оренбург, невольно вспоминается Пугачевский бунт и роман «Капитанская дочка» бессмертного нашего поэта А. С. Пушкина – это все места начальных походов Пугачева.

Оренбург справедливо называют «Песочницы» – хороший вид придает ему величественный Урал. Роща на противоположном берегу Урала служит местом прогулок для жителей Оренбурга. В городе было два кадетских корпуса, Оренбургское военное юнкерское училище с казачьим конным отделением, большой собор, арсенал и Меновой двор, где сосредотачивалась вся торговля со степью и киргизами. Это была тогда постоянная ярмарка со всеми необходимыми предметами для кочевников, оседлого крестьянского населения и казаков. Оренбуржцы, окруженные киргизами, не только не учили их говорить по-русски, а сами окиргизились, говоря дома между собой по-киргизски, носили киргизскую одежду, и бедные казаки даже служили работниками у богатых татар и киргизов. На Меновом дворе продавались лошади, рогатый скот, верблюды и бараны. Здесь можно было видеть купцов бухарских, хивинских и кокандских.

Из Бухары сюда шли ковры, бесконечные верблюжьи караваны с хлопком, мерлушками каракуля, рис, кишмиш, урюк, фисташки и сушеные вяленые дыни – все лакомства для кочевников. Из России через Оренбург шли на туркестанский рынок самовары, чугунные котлы, таганы, красивые владимирские сундуки, разукрашенные жемчужью, с металлическим звоном при повороте ключа, фарфоровая посуда Корнилова, чай, сахар и разнообразные хлопчатобумажные, шерстяные сукна и шелковая мануфактура.

В то время, в 1870 году, до проведения железной дороги, Оренбург являлся главным складским пунктом для торговли России со Средней Азией и делал большие обороты. Местные богатые татары скупали у киргизов баранью шерсть, кожи, масло, войлок и очень богатели на этой торговле. Самозванные муллы из коренных татар разъезжали по аулам продавать амулеты, то есть записочки с молитвой, которые вкладывали в серебряные трубочки или коробочки, привешивая ребенку на тубетейку на голову или под мышки. Этот амулет назывался тумар и носился, с дуновением муллы, как охрана от злого духа. При этом шарлатаны бессовестно обманывали простодушных сынов степей и очень вредительствовали, распространяя пропаганду против русских.

После Оренбургского войска почтовые станции уже держали киргизы, по несколько хозяев на одной станции, иногда с совершенно дикими, мало объезженными лошадьми. Целая толпа киргиз заправляла одну тройку, закрывая лошадям глаза. Они брыкались и

не входили в построики. Ямщик садился на козлы и брал вожжи в руки, после чего с криками «Айда!» толпа разбегалась, и тройка, как сумасшедшая, сразу неслась полным карьером, помимо дороги, в степь на кочки, ямы и колючку. Иногда тарантас опрокидывался, и выскочившие благополучно путники оставались одни в поле, часто с козел слетал и ямщик, и тогда тройка уносилась далее, пока не опрокидывался тарантас. Если же не вываливались, то, промчавшись две-три версты, останавливались. Затем ямщик просил позволения привязать к какому-нибудь кусту одну из уставших лошадей, уверяя, что в попутном ауле он найдет новую лошадь, и если новичок, то разрешает оставлять около дороги вторую лошадь. И, наконец, ямщик киргиз доказывал необходимость съездить в ближайший аул за лошадьми, и если путник по неопытности соглашался на его предложение, он садился на коренного и уезжал на неопределенное время, иногда на целые сутки, предоставив своим пассажирам любоваться красотами пустынной степи. Поехав в аул, он долго собирал и приводил еще более необъезженных и бессильных лошадей. Упряжь была самая жалкая, часто рвалась и лопались вожжи и гужи. Хорошая ременная упряжь давалась только проезжающему высокому начальству, когда об этом заблаговременно сообщалось особенной летучкой. Станции редко бывали глинобитными домиками, обнесенными земляными стенками. Большей частью это были обширные землянки с русской печкой. Крыша была вровень с землею, и только подъехав к станции, можно было ее заметить. Старосты были русские оренбургские или уральские казаки – они же были и писаря. Стол, продырявленный диван, два-три стула, царский портрет, образа, правила в рамках, засиженные мухами, позеленевший самовар и чайная посуда составляли всю обстановку почтовой станции – отличительный признак которой были верстовой столб, закопченные и всегда разбитые стекла и глиняная труба, восходившая из крыши.

Лучшие лошади давались только курьерам. Иногда утомленные лошади к станции едва шли через силу шагом, тем не менее ямщик-киргиз размахивал кнутом и во всю мочь кричал: «Кульер, кульер, эй, кульер!» После этого возгласа хозяева высыпали из кибиток и посылали в степь, где всегда паслись лошади за конями. В описываемое мною время путь от Тереклы до Казалы (форт № 1) считался небезопасным от нападения на проезжающих почту и купеческие караваны туркменских разбойников-барантачей. Они нападали на проезжающих, убивали обыкновенно ямщика, пассажиров, если они защищались, и уводили в плен в Хиву, особенно женщин и детей. В дорогу проезжие брали ружья, револьверы для конвоирования почты и охраны дороги в местностях, подверженных нападению барантачей. На станции в кибитках жили казачьи конные команды – Уральцы, Оренбуржцы и Сибиряки. Возле кибиток были сложены фураж и провиант. Начальниками таких постов были урядник, вахмистр и приказный. Они же были и смотрителями станций. Но гоняться за барантачами казачьим маштакам (лошадям) было не под силу, и редко можно было их догнать. Туркменские высокие аргамаки легко проходили 100 верст в сутки.

После взятия Хивы в 1873 году мы видели в складах у хана и его первого министра диван-беги Мат-Мурада⁷ сундуки с награбленных верблюжьих караванов, наполненных

---

⁷ Диван-беги Мат-Мурад (1830–1901) – военный, общественный и государственный деятель Хивинского ханства (диван-беги – премьер-министр), крупный землевладелец и собственник, сторонник европейского образа жизни.

разнообразными товарами, которые шли из Оренбурга в Ташкент. Только с покорением Хивы в 1873 году прекратились эти набеги на почтовый транспорт и наших киргизов, у которых барантачи отбирали баранов и верблюдов.

Станция Терекла находилась на границе Оренбургского и Туркестанского генерал-губернаторств. По берегу Аральского моря в сыпучих песках мы три станции ехали на верблюдах. Киргиз-ямщик сидит верхом на коренном верблюде, имея в руках веревки, продетые в ноздри верблюда, и когда ямщик дергает за веревку, верблюд так жалостно кричит-ревет. Когда верблюд идет рысью, его трудно догнать на лошади. Это животное незаменимо в песчаных пустынях, оно питается колючкой, сухой степной травой. Лакомое кушанье, которое ему дают, – это сухие выжимки кунжута, которые очень подкрепляют его силы. Верблюжьи караваны, идущие из Хивы, Бухары, всегда имеют с собой запасы этого верблюжьего лакомства. По берегу Аральского моря водились многочисленные стада уток всех пород и диких гусей. Скоро мы достигли величественной реки Сыр-Дарьи, впадающей в Аральское море. Река имеет несколько рукавов, поросших камышом и тальником. Масса водяной птицы плавает около берегов. Живущие в прибрежных аулах и поселке около устья реки уральцы занимаются рыболовством.

Форт № 1 Казалинск лежит на берегу Сыр-Дарьи, недалеко от устья, содержит гарнизон и крепостную артиллерию на верхах. Это небольшой город со смешанным населением. Русское население – главным образом отставные солдаты со своим потомством. Они заселились со времен завоеваний Туркестана. Они занимаются торговлей, охотой и рыболовством, через реку сообщаются паромом. На пристани реки стоят пароходы и баржи Аральской флотилии, ходящей вверх до Чиназа и Чарджуя и по берегам Аральского моря.

В Казалы полковник Д. Н. Шауфус осматривал гарнизон и казаки Оренбургские сотни, которыми командовал есаул Смирнов. Казаки в то время были вооружены ударными нарезными винтовками, заряжавшимися с дула, с узенькими азиатскими прикладами и спуском шишечкой без скобы. Они так смешно и неуклюже производили пешие учения и рассыпной строй...

Казалы был первый русский город на Туркестанской территории. На третьей станции от Казалы, на берегу Сыр-Дарьи, мы встретили четырех слонов, которых бухарский эмир выписал из Индии и посылал в подарок Государю в Петербург. С ними были три индуса слоновожатых, один из которых был очень важной персоной. Слонов сопровождал до Петербурга окружной ветеринар Д. О. Заушкевич.

Еще до этой станции слоны с водопою убежали в реку и начали играть и нырять в воде, погружаясь с головой и пуская хоботами фонтаны. На все призывы слоновожатых и приглашения выйти из воды они не реагировали и наслаждались плаванием. Собралась громадная толпа киргиз из ближайших аулов. Но они не посмели их выгонять, так как слон (филь⁸) считается священным животным у мусульман, на которого нельзя поднимать руку. На другой день, насладившись купанием, слоны сжалились над своими жокаками и добровольно вышли на берег. Навстречу к слонам выходило все население из аулов. Мужчины-киргизы старались взять слона за хвост, чтобы в них перешла сила слона.

---

⁸ Так называется слон на среднеазиатских тюркских языках.

Женщины пролезали между задними ногами слонихи, чтобы легко, как она, рожать детей. На дорогу вывозили целые арбы лепешек и дынь, которые слоны очень любят. Они очень ловко берут хоботом мелкие серебряные деньги, которые дает слону народ, и передают жокакам. На той станции, на которой мы ночевали со слонами, слониха разыскала в тарантасе Заушкевича в корзине и скушала два фунта черного чая, не рассыпав ничего. У самого большого старого слона на клыки были надеты серебряные футляры. Слоны были исправно доставлены в Петербург, но спустя несколько месяцев этот громадный слон, не выдержав заключения, говорят, сошел с ума, убежав из зоологического сада, шагал по улицам, и его пришлось застрелить. Мне доставило громадное удовольствие кататься на слоне. Стоит только взять его за хобот и погладить, он тут же ловко подхватывает вас и сажает к себе на спину. Старший слоновожатый индус так понравился одной богатой купеческой вдове, что она вышла за него замуж и увезла с собой в Москву.

Недалеко от станции Яны-Курган высится около дороги на возвышенности громадная глиняная крепость с башнями Сауран. Ее когда-то построили калмыки⁹ во времена своего временного здесь владычества. Начиная от Казалы до самого Ташкента вся эта территория принадлежала Кокандскому ханству, и все форты и кочевья 30-х и 40-х годов составляли так называемую Сырдарьинскую линию, по которой двигались войска из Оренбурга. Начальники этой линии жили в Казалы и форте Перовском № 2. Дорога из Казалы до форта Перовского (по-киргизски Ак-Мечеть) все время почти что проходила по берегу Сыр-Дарьи, поросшему густой колючкой и саксауловыми деревьями. Саксаул очень тяжел и хрупок и дает прекраснейшее топливо. Огонь и угли сохраняют очень долго жар. Им отапливалась Аральская флотилия. Саксаул продают пудами и вязанками, навешенными на верблюдов. Из зарослей колючки на дорогу постоянно выбегают фазаны, выклевающие зерна из лошадиного помета. Проезжающие стреляют их прямо из тарантаса, так как фазаны боятся не выстрелов, а только фигуры человека. Жареные фазаны очень вкусны. Во время созревания хлебов и риса фазаны громадными стадами выходят кормиться на поля и здесь охотники, имея впереди себя большую раму, обтянутую парусиной, подходят очень близко к фазаньему стаду и стреляют их из этого укрытия, называемого кобылкой, [чтобы] не показывать своих ног и головы. При виде убитых соседей фазаны не убегают, ибо звука выстрела они не боятся. Убитый влет фазан падает в непроходимые заросли колючки, и достать его оттуда без помощи собаки невозможно. Здесь уже начинают появляться возделанные поля, орошаемые водой арыков из Сыр-Дарьи. Сеют пшеницу, рис и просо. В этих местах в густых непролазных камышах водятся тигры, опустошающие нередко киргизские стада баранов и верблюдов. Отважные киргизские мергены (стрелки-охотники) иногда, когда тигры им очень надоедают, отправляются на них охотиться. Они берут с собой большую корзину в рост человека, составленную из кибиточных керегов (решеток с крышей из них). Все это крепко связывается сыромятными ремнями, и получается огромная клеть, в которую входят два носильщика и два стрелка-охотника. Они несут эту корзину, которую нельзя сломать, потому что решетка эта крепко делается из гибкой ивы, прямо к

---

⁹ Город-крепость Сауран был не построен, а разрушен в период 1723—1727 гг. среди других среднеазиатских городов джунгарами, родственным калмыкам племенем, жившим на территории современного Китая.

тигровому логовищу, где он сидит на утащенном им животном, пускают вперед собаку. Приблизившись к нему, старались его ранить обыкновенной дробью. Тогда разъяренный тигр бросается на корзину, стараясь ее разломать и достать смельчаков, которые стреляют в него без промаха в упор. Корзину крепко прижимают к земле обыкновенно ременными петлями, пропущенными в ноги как стремяна.

Рассказывают, что в начале 40-х годов в Перовске проживал местный Жерар¹⁰ на тигров татарин Еликей. Он, будучи отважным охотником, ходил на тигра один, вооруженный скверной двустволкой, заряженной дробью, с собакой, которая вела его к логову тигра. Его костюм составлял сплошной панцирь на все тело из толстых машинных ремней и такого же шлема на голове. Весь костюм был обильно смазан салом и мылом. В руках у Еликей, кроме двустволки, был громадный обоюдоострый нож без ножен. Подходя к тигру, Еликей стрелял в него дробью и падал на землю на спину, выставив вперед свой нож. Разъяренный тигр бросался на охотника, который, подставив свой нож, ловко вспарывал одним ударом его живот во всю длину туловища. Тигр стремился разорвать Еликей, но лапы его скользили по сальному панцирю и не могли ничего сделать с этим смельчаком. Еликей убил 48 тигров, и на 49-м лапа тигра сорвала неудачно застегнутый панцирь около горла, и зверь его загрыз. Еликей имел золотую медаль на шее и всякий раз получал крупную сумму от командира за каждого убитого тигра.

С половины пути от Казалы до форта Перовского (форт № 2) на горизонте с левой стороны пути, вдали, обрисовываются старые отроги Алла-Таузского хребта. Не доезжая до форта Перовского, мы встретили курьера полковника Сергея Ивановича Носовича, ехавшего с донесением Кауфмана к Государю о взятии нашими войсками под командой генерала Абрамова бухарских городов: Шахрисабза, Шахара и Китаба у восставших против бухарского эмира шахриярских беков Джурибека и Бабабека. С. И. Носович рассказывал о наших потерях и убитых офицерах. Он был одет в желтую шелковую рубашку.

Форт № 2 Перовский назван так в честь оренбургского генерал-губернатора графа Перовского, взявшего Кокандскую крепость Ак-Мечеть в 40-х годах¹¹. Генерал Перовский тогда еще не знал, как брать азиатские города, и приступил к правильной осаде этого глиняного горшка, защищаемого очень слабым гарнизоном. Во время осады с гор спустился с мигманом¹² и кавалерией и пророскочил в крепость на помощь осаждаемым знаменитый

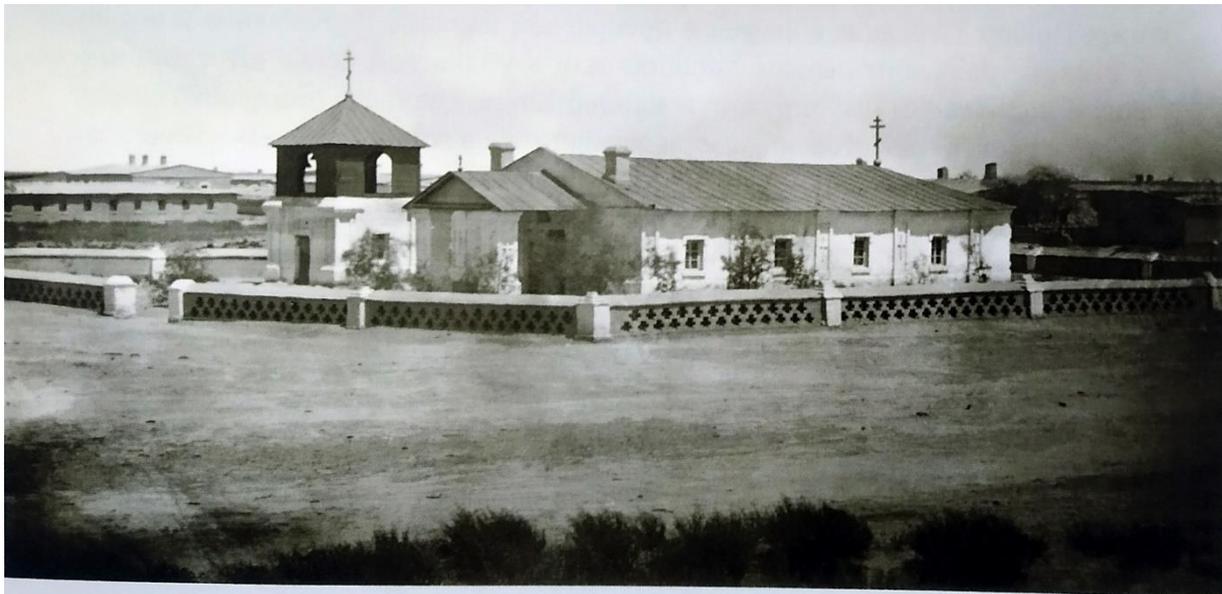
---

¹⁰ Жюль Жерар (1817–1864) – знаменитый охотник середины XIX века на львов, автор популярной книги, известной во всем мире, в том числе и в России, «Охота на львов» (М., 1859), где он сообщал о своих подвигах, выходя на льва один на один. Также он в периодике регулярно сообщал о своих победах и стал самым известным бесстрашным охотником. Его имя стало нарицательным.

¹¹ Это произошло в 1853 году.

¹² Мигман – по-персидски угощение, провизия.

наездник и партизан Садык¹³, сын знаменитого в борьбе с русскими Кенесары Хана¹⁴. После продолжительной осады крепость была взята вместе с орудиями. Оставив гарнизон с орудиями, Перовский построил форт № 1 на берегу Сыр-Дарьи, а городок слева назвал городом Перовским.

Сырдарьинская область. Православная церковь в укреплении Перовском

Спустя год кокандцы отправили большой отряд пехоты, кавалерии и артиллерии, чтобы взять обратно Ак-Мечеть под Новый год. Ночью храбрый майор Шкуп с семьями линейцами, четырьмя орудиями и 2–3 сотнями казаков в полнейшей темноте переправился по льду через Сыр-Дарью и напал внезапно на спящий кокандский лагерь. Обратил его в бегство, взял всю артиллерию, лагерь, кокандских верблюдов и все имущество. Николай Павлович наградил его орденом Святого Георгия. С тех пор кокандцы оставили свои намерения взять обратно Ак-Мечеть. В Перовском мы пробыли не более суток, пока Шауфус осматривал войска и гарнизон. По дороге на г. Туркестан мы проехали, не останавливаясь, спокойно Джулек (форт № 3) на берегу Сыр-Дарьи. Далее, по направлению к Туркестану, река отходит от дороги на несколько верст. В верстах 20, не доезжая Туркестана, на горизонте видна огромная мечеть Хазрет-Султана, сподвижника Тамерлана¹⁵, приказавшего построить эту мечеть над прахом этого святого. Мечеть эта

---

¹³ Генерал здесь путает события: 1853 г. осаду Ак-Мечети и 1864 г. осаду города Туркестана. В первом событии Садык не принимал никакого участия, так как был еще молод (16 лет), а во втором он как раз прославился.

¹⁴ Известный казахский хан, полковник царской армии, со временем по недоразумению ставший врагом России. У нас в письмах генерала он не только упоминался, но ему посвящено одно из писем.

¹⁵ Суфийский поэт Ходжа Ахмед Ясави (1103–1166), известный по народному прозвищу как Хазрет Султан, живший в этом городе (носившим тогда название Ясси), был очень высоко чтимым в Средней Азии. Похоронен как святой, ему сразу же после смерти был построен небольшой мавзолей, который ко времени Тамерлана сильно обветшал. Тамерлан приказал построить более величественный мавзолей, который до конца не был достроен со смертью самого Тамерлана. Император Александр III приказал отремонтировать и завершить строительство мавзолея.

весьма своеобразной постройки, с двумя громадными минаретами в виде высоких башен. Внутри ее могила святого с громадным бушуком¹⁶. Над могилой поставлен памятник из прекрасного полированного, как зеркало, камня, в котором отражаются внутренность мечети и громадный медный художественной работы котел, в котором можно варить целого быка и десятки баранов во время Курбан-Байрама. Простодушные жители в этом отражении видят необыкновенное чудо. Многочисленные паломники приходят на поклонение к гробу святого. Храм от древности дает уже трещины, заботливо поддерживаемые в нем контрфорсами.

Кокандцы после нескольких орудийных выстрелов сдали город полковнику Веревкину, не желая подвергать разрушению свою святыню – мечеть Хазрет – в 1864 году. Кокандский регент мулла Алимкул с двадцатитысячным войском двинул к Туркестану, чтобы взять обратно мечеть Хазрет. Комендант полковник Жемчужников выслал на рекогносцировку уральскую сотню с медным единорогом под командой есаула Серова.

Обложенный всеми кокандскими силами у селения Икан в 25 верстах от Туркестана в безводной степи, Серов решил обороняться до последней капли крови. Лошадей всех убили и сделали из них завал, куда положили также и тела убитых казаков. Залегли за этим завалом и трое суток отражали безжалостные атаки противника, предлагавшего им почетную сдачу. Одному из джигитов отряда удалось пробраться ночью к коменданту и сообщить о положении казаков. Комендант выслал роту, и казаки, все почти что раненые, оставив своих убитых, бросились вперед, на соединение со своими. Мулла Алимкул, обратившись к своим войскам, ставил в пример мужество оборонявшихся и сказал, что если бы у него были такие воины, он бы покорил весь мир. Подвиг Серова изображен в прекрасной картине Верещагина и воспет в стихах уральским поэтом Хорошкиным в уральской песне «В степи широкой под Иканом нас окружил кокандец злой». Государь пожаловал есаулу Серову Георгия 4-й степени, а всем оставшимся в живых казакам – Георгиевские кресты. При военном губернаторе Гродекове¹⁷ по его поручению я посетил скромный памятник на месте боя. Из Икана Алимкул спешно направился к Чимкенту, который уже взял М. Г. Черняев¹⁸. У Акбулака Алимкул напал на слабый отряд капитана Генерального штаба Мейера, двигавшегося со стороны Оренбурга на присоединение к Черняеву. Узнав о взятии Чимкента, Алимкул направился к Ташкенту.

---

¹⁶ Колпак.

¹⁷ Николай Иванович Гродеков (1843–1913) – Приамурский генерал-губернатор (1898–1902), герой «Китайской войны» (1899–1901), Туркестанский генерал-губернатор (1906–1908), член Государственного Совета, участник Среднеазиатских походов. Военный писатель. Генерал от инфантерии (6.12.1900). Участник Хивинского похода. Эту экспедицию Гродеков описал в превосходной работе «Хивинский поход 1873 года. Действия Кавказских отрядов» (1883). Ахал-Текинская экспедиция подробно описана Гродековым в четырехтомном труде «Война в Туркмении. Поход Скобелева в 1880–1881 гг.» (1883–1884), также переведенном на английский и французский языки. В 1883–1893 гг. был военным губернатором и командующим войсками Сыр-Дарьинской области.

¹⁸ Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) – русский генерал, участник Крымской войны, Туркестанских походов, Туркестанский генерал-губернатор в 1882–1884 гг. Выше речь идет о памятнике, который Черняев установил только после присоединения Мерва.

Мы благополучно прибыли в Чимкент, взятый в 1864 году М. Г. Черняевым. Высокая цитадель на лесовой скале с отвесными краями была неприступна и защищалась крепким гарнизоном с многочисленными орудиями. Войска проникли в нее через водопровод, бывший в основании стены. Цитадель командует всем городом, утопающим в садах и виноградниках. Стояла прелестная и солнечная ранняя туркестанская осень. Мне после месячного пути от Оренбурга, подъезжая к Ташкенту, утопавшему в обширных садах, издали Ташкент, окруженный стенами, и его предместья казались громадным сплошным лесом, за которым расстился русский город. Мы въехали через кокандские ворота в Кашгарский квартал, где был дом Д. Н. Шауфуса с большим садом. Оттуда через узенькую улочку лакей Петр провел меня к маленькому домику, переделанному из сакли. На дворе я увидел брата и бросился к нему в объятия. Под большим орехом на чистом воздухе в зеленой палатке спал поручик Георгий Алексеевич Арендаренко¹⁹, сослуживец брата по батальону. Так началась 30 сентября 1870 года моя жизнь в Туркестане – самое счастливое время моей юности и молодости, о которой на склоне своей жизни я всегда вспоминаю с громадным удовольствием и переживаю в своей памяти это чудное и невозвратимое прошлое – в чудной сказочной стране под горячими лучами животворящего солнечного светила.

II. ТАШКЕНТ. 1-Й ТУРКЕСТАНСКИЙ СТРЕЛКОВЫЙ БАТАЛЬОН

Сырдарьинская область. Крепость г. Ташкента

Домик моего брата Павлика был переделан из сартовской сакли с камышовой плоской крышей, засыпанной землею и залитой глиною с саманом, как делаются туземные дома – сакли. Во дворе была небольшая конюшня, большая сакля для прислуги. В домике было три комнаты, прихожая, сени, стол, несколько табуреток и две кровати. Пол был из

---

¹⁹ Георгий Алексеевич Арендаренко (1846–1908) – генерал-майор, в 1901–1904 гг. был военным губернатором Ферганской области, после чего в отставке. Хорошо известный автор многочисленных этнографических и культурных заметок и статей в туркестанской, географической и военной периодике, оформленных позднее в книгу «Досуги в Туркестане. 1874–1889 гг.», изданную в 1889 году в Санкт-Петербурге.

квадратных глиняных, кирпичных плиток. Одна кровать железная, складная, другая индийская с переплетом сеткою из шерстяных веревочек. На нее клался коврик или тонкая кашгарская белая кошелка и простыня. Кровать эластичная, когда сетка ослабевала, ее перетягивали к перекладине кровати. Почти все имели такие кровати, и стоила она на базаре всего 3 рубля.

Платья висели по углам, а также ружья, шашки и кинжалы. В большой комнате стояла тахта с цилиндрическими подушками и ковром. Белье хранилось во выючных кожаных сундуках, называемых яхтанами. В них вдеаются полотнища с двумя полками, и получается походная привязь. Ящики эти приспособлены для выючки на лошадь или верблюда. Несколько стаканов, чайник, самовар и тарелки дополняли все движимое имущество туркестанского офицера того времени. Гнедой горячий конь Васька карабахской породы и прелестная сука сеттер Сильва дополняли все его имущество.

Сад был окружен высокой глиняной стеной. В саду росло несколько больших ореховых деревьев со спелыми уже орехами и айва, из которой делают превосходное варенье или же пекут ее как яблоки.

Ближайшими его соседями были по офицерской улице дом и сад полковника Ивана Федоровича Гуюса, дом и сад полковника Ширкова (называемого соседями сартами – Кара Тюря), дом камер-юнкера Савинкова, громадный сад полковника Генерального штаба Деннета²⁰ и два его первобытных дома, занимавшие половину всего Кашгарского квартала по офицерской улице, проходившего большого шоссе. Был выстроен по новейшим правилам дом полковника барона Ивана Романовича Нольде²¹, в котором он жил со своим семейством. Он был старый кавказец – артиллерист. За садом брата по узенькой улочке можно было проходить в большой сад и дом друга Павлика Дмитрия Николаевича Шауфуса. За домом Гуюса по офицерской улице жили Филемон и Бавкида²² – супруги Заушкевичи. Он действительный статский советник с юга России и красивая старушка, его жена, наша землячка – псковская. Супруги были очень красивы, но постоянно ссорились между собою, вероятно, потому что Эммануил Матвеевич, ее муж,

---

²⁰ Алексей Романович Деннет (1836–1917) – генерал от инфантерии (1916), назначен в распоряжение к генерал-майору Черняеву в 1865 г. в Туркестанский военный округ, капитан (1866), подполковник (1868), полковник (1871), генерал-майор (1882), генерал-лейтенант (1893).

²¹ Иван Романович Нольде (5.06.1836–?) – барон, военный и государственный деятель в Туркестане, прапорщик (1855), с 1867 в Туркестане, полковник (1876), с 1876 за злоупотребления был устранен от должностей, с 1 марта по 19 августа 1883 заключен в тюрьму, а с 1884 «за разные злоупотребления по службе» лишен всех прав состояния и сослан на каторжные работы на заводы на 8 лет.

²² Наричательно – верные супруги и хлебосольные хозяева в древнегреческой мифологии.

был очень красив и имел немало поклонниц между прекрасным полом. Многие наши офицеры квартировали у них в их первом домике. За Д. Н. Шауфусом, в тупике, выходящем на большую улицу, был дом кривоглазого Дегресса – казначея интенданства, в доме которого квартировал адъютант Кауфмана красавец капитан Фан дер Флит²³, большой друг моего брата Павла и Д. Н. Шауфуса. По правую сторону на углу большой улицы и тупика были два невзрачных домика церковного дьячка Мозжевитинова, у которого всегда квартировали офицеры туркестанского батальона. В этом Кашгарском квартале было много сартов, жителей, бежавших из Кашгара после завоевания всего восточного Туркестана китайцами (Кашгар мигеля, по-русски Кашгарский квартал). Внизу Кашгарского квартала по соседству с Урдой (бывшей цитаделью) протекал глубокий многоводный арык (канал) Шавла, орошавший весь этот квартал.

За домом Д. Н. Шауфуса начинался базар Урдинский.

Мелочная торговля. Продажа фруктов. г. Ташкент

На этом месте можно было еще видеть остатки стен Ташкентской цитадели (или, как называла наша соседка, «чистодель»). Здесь в лавках продавались соблазнительные для моего 16-летнего возраста продукты: изюм, чернослив, чудный виноград, черный, белый, зеленовато-желтый в виде дамских пальчиков, сушеный кишмиш, курага и первые фисташки поджаренные, грецкие орехи, чудные поздние дыни, подвешенные на стеблях кули к потолкам для хранения, в таком прохладном месте они хранятся до апреля и первых

---

²³ Константин Петрович Фан дер Флит (1844–1933) – русский военачальник, участник Туркестанских походов (1866–1876), Русско-турецкой (1877–1878) и Русско-японской (1904–1905) войн, в Первую мировую войну командовал 6-й Отдельной армией (1914–1915), в бое-вых действиях не участвовал, награжден золотым оружием с надписью «За храбрость» (1873) и золотым оружием с бриллиантовыми украшениями (1905), генерал от артиллерии (1908), генерал-адъютант (1915), член Государственного Совета (1915–1918).

чисел мая, гранаты, айва, миндаль, халва-беше и красная и другие вкусные сладости, свежие яблоки и груши, сартовские лепешки, простые и сдобные, в кухне на базаре – плов, шурпа и пельмени на решетках над большим чугунным котлом с кипящей водой, и все это по баснословной дешевизне. Говядина – 3 копейки, баранина – 5 копеек, курица – 20 копеек, русский хлеб ситный – 4 копейки, пара цыплят – 15–20 копеек, виноград летом – 40–50 копеек пуд, а осенью стоил в два раза дороже. Хороший баран стоил 3 рубля, верблюды – 50–60 рублей, сильная лошадь хорошей породы – 100–200 руб-лей, простая киргизская лошадь – от 25 до 75 рублей.

Сотня снопов сухого клевера джунушки – 2 руб-ля, один пуд ячменя – 25 копеек. Так фураж был дешев, что все офицеры держали верховых лошадей, и конный спорт был весьма развит. Все были более или менее хорошими наездниками, и в походе офицеры были верхом и носили кавказские шашки. У начала Романовского проспекта на большой площади в четырех казармах, обрамляющих плац, стоял 1-й Туркестанский стрелковый батальон со своими флигелями при каждой роте, где помещались кухни, кладовые и цейхгауз.

Ташкент того времени разделялся на Русский город и туземный Сартовский. Многоводный и глубокий канал. Босу разделял оба эти города. Туземный город был обнесен крепостными стенами на 24 версты в окружности. Вне крепостных стен были сады и виноградники, клеверные поля. В Русском городе были прямые широкие шоссированные улицы, обсаженные пирамидальными тополями. Эти улицы-аллеи украшались с обеих сторон быстро текущими арыками, с раннего утра и в полдень поливались водой для предохранения от пыли. Дома были большей частью одноэтажными из сырцового кирпича с полами из кирпичной плитки, которые покрывались циновками, войлоком и коврами. Деревянные полы были тогда роскошью. При каждом доме обязательно был сад с фруктовыми деревьями. Генерал-майор Корольков, знаменитый ботаник, первым заложил основание фруктоводству и садоводству и первый в крае развел наши ягоды: землянику, клубнику, малину, крыжовник, чудесные сорта яблок и груш, выписав из Европы благородные деревца, от которых потом взяли прививки, так как туземные фрукты, за исключением персиков и абрикосов, были грубого вкуса. Он также развел овощи, которых туземцы не знали: картофель, капусту, простую и цветную, редис, русские огурцы, французскую морковь, всевозможный салат, русские арбузы и французские дыни. Его дача на берегу реки Салары над обрывистым берегом была образцовым питомником фруктов, ягод, овощей и декоративных садовых деревьев, сирень и розы всех заграничных сортов, и всяческих цветочных пород: георгинов, левкоев, мальв, махровых и разных оранжерейных

растений и цветов. Шутя, его называли вместо Н. И. Корольков²⁴ – генерал Цветков. Это был чудный человек, положивший начало всей этой культуре Туркестана.

За Кокандскими воротами расстилалось огромное Кокандское поле от общественного сада Минь-Урюк (тысячи абрикосов, много прогулок и увеселений тогдашнего Ташкента) и до реки Салары, за которой через так называемый Первушинский мост находились стрелковое поле и конный базар. Сад Минь-Урюк с многочисленными абрикосовыми деревьями был местом прогулок и увеселений жителей Ташкента. Дорога от Первушинска²⁵ по другой стороне Салары шла по возвышенности, где расстились огромные сады и виноградники (Первушин выделяет легкое вино). За этими садами находилось большое православное кладбище. Сады нанимались под палатки туркестанских офицеров во время лагерей, которые были тоже за Саларой — войско жило в бараках сырцового кирпича с камышовыми крышами. Бараки вентилировались с обеих сторон окнами без стекол, когда стояла жара. Сквозняк не простужал людей, а доставлял приятную прохладу. Кухни и хлебопекарни были в крутом обрыве берега Салары. От лагеря до города было около пяти верст. На противоположном обрывистом берегу Салары в густых садах были расположены дачи ташкентцев.

В Русском городе направо от церковной площади, где находилась маленькая, единственная в то время русская церковь, находился большой одноэтажный дом-дворец генерал-губернатора с чудным садом, через который протекал многоводный и глубокий арык Босу, разделявший оба города. Старый Сартовский город имел население около 180 тысяч, с кривыми улицами и заборами с наружной стороны. Улицы были узкие, дома – восточной архитектуры за стенами улиц с плоскими камышовыми с глиною крышами. Улицы кривые, в центре большой крытый базар, где находилось все для туземцев: по рядам халаты, всюду лежали материи русские и туземные, медная, чугунная и фарфоровая посуда, самовары, сундуки. Сапожники, портные, кузнецы, зергары – золотых дел мастера,

---

²⁴ Николай Иванович Корольков (1837 — 1906) — российский военный деятель, генерал от инфантерии (1905), губернатор Ферганской и Сыр-Дарьинской областей, член Военного совета Российской империи.

²⁵ Первушинск, Первушинка, Первушка – так называлась рабочая слободка, построенная для рабочих винокуренного завода Иваном Ивановичем Первушиным (1842–1871) – первым русским купцом Ташкента, куда он приехал из Москвы в 1866 году по заданию своего отца московского купца 1-й гильдии Ивана Андреевича, который вложил в торговлю в Туркестане 545 тысяч рублей.

оружейники, седельщики, приборы для седел, шорники, брадобреи – сартроши. Всевозможные кухни, чайхана, где за громадными тульскими самоварами и сартовскими и русскими фарфоровыми чайниками, заседа на крыше внутри чайханы (чайный ресторан с открытой террасой), восседают чалмоносные мусульмане и распивают из китайских и русских чашек без ручек и блюдец азиатский зеленый чай (кок-чай) без сахара, но всегда с хлебными лепешками, закусывая изюмом и кишмишем, а чай разносят и устанавливают перед посетителями красивые мальчики – бачо, а в отдаленных кварталах, где ютятся женщины легкого поведения (с приходом русских), в чайхане обслуживают красивые и нарядные женщины и девушки с открытыми лицами. Чайхана – это местные клубы и источник всех политических новостей и местных интересов. Каждый, кто посещает базар, обязательно заходит выпить чашку чая: базары, чайхана и бани – сосредоточение всех слухов и новостей. Многотысячная толпа на лошадях, верблюдах и ослах снует по улицам базара. Тут же продают чистую холодную воду (зем-зем). Так называется вода из источника пустыни, где Агарь с сыном умирали от жажды²⁶. Паломники в Мекку обязательно берут с собой меха и бутылки с этой целебной, по их мнению, водой. Продавцы лепешек, горячих пирожков и мёда с виноградным соком громко выкрикивали названия своих товаров. Толпы дервишей²⁷ повторяли стихи Корана. Гадальщики, фокусники, общественные писцы находятся на площадях и перекрестках базара. Москательные и бакалейные лавки завершают базар. Москательщики были и аптекарями. Рев верблюда, крики ослов, ржание лошадей, громкие крики продавцов хлеба и воды, толкотня сартов, киргиз, туркмен, бухарцев, афганцев и ростовщиков – индусов с красным знаком на лбу – все это движется, кричит, торгует. Вот толстый и важный киргиз покупает себе яркий халат. Продавец надевает его на себя, показывает покупателю, затем происходит своеобразный торг. Оба они кричат свою цену и рвут друг у друга халат. Можно подумать, что они дерутся, но это такая манера торговли. Вся эта многочисленная толпа, одетая в разнообразные костюмы, чалмы всех цветов и яркие цветные халаты, представляет живописную восточную картину. В этой толпе мелькают и белые рубахи, и красные чембары²⁸ наших солдат.

В Русском городе на краю построек домов высится русская крепость на обрыве оврага. Крепость командует азиатским и русским городом. Внутри нее находятся артиллерийские

---

²⁶ Известный библейский сюжет о том, как Агарь с сыном Измаилом находились в пустыне в поисках воды и вдруг от удара о землю ступни архангела Гавриила появился источник прямо под ногами у маленького Измаила.

²⁷ Дервиши – странствующие проповедники, живущие подаяниями.

²⁸ Шаровары.

склады и мастерские, арсенал и гауптвахта. Ежедневно в 12 часов пушка обозначает полдень, и все ставят по ней часы. На гауптвахте стоит офицерский караул. Здесь же находится казарменный крепостной артиллерист. С высоты крепости открывается хороший вид на окрестности. За крепостью, на краю города, в солдатской слободке, у двенадцати тополей, находится избышка из двух комнат, кругом садик. Здесь жил в 1864–1865 годах покоритель Ташкента Михаил Григорьевич Черняев, караулит ее солдат. В центре русского города находится пьяный базар, торгующий бакалейными товарами и съестными припасами. Тут продаются хлеб, квас, фрукты, минеральная вода, птица и рыба. Гостиниц в первое время было только две: Розенфельда, еврея из солдат, и рядом его лавка – магазин. В ресторане завтракали, обедали и ужинали у Жемчужникова, номера для проезжающих, примитивные постройки с каменными полами и парадный магазин Захо, лавка Крюкова с железным скобяным товаром, французский ресторан француза Ревильона, жена которого содержала модный магазин, и в саду Минь-Урюк в летнее время были отделения этих ресторанов.

Коляска была только одна – у генерал-губернатора. На бал к нему и на приемы ездили на высоких сартовских крытых арбах, устланных коврами и подушками.

Сырдарьинская область. г. Ташкент. Дом военного губернатора

На арбу входили по приставляемой специально лестнице. Извозчиков было два или три, и очень скверные, все, кто не боялся купить лошадь, ездили верхом. Босоногие сартовские мальчишки бегали по улицам, предлагая свои услуги носить покупки в полах своего завернутого халата, или же часами держат [покупки] офицерских и гражданских чинов у

ресторанов, лавок, получая за это маленькую мзду. Маленький помощник бежит за вашей лошастью.

На церковной площади после обедни всегда был церковный парад в присутствии командующего войсками. В Царские дни всегда присутствовали на парадах и приносили свои поздравления генералу Кауфману почетные туземцы, одетые в почетные халаты с широкими золотыми галунами, медалями и орденами. Телеграфа между Ташкентом и Оренбургом еще не было. Кауфману были предоставлены права наместника края с разрешением объявлять самостоятельно войну с соседними ханствами Бухары, Коканда и Хивы, равно как и заключать мир и утверждать договоренности.

При его приезде из Петербурга его встречали шпалерами войск при пушечном салюте и офицеры, и войска в полной парадной форме и при орденах. На его приемах и балах во дворце царствовал придворный этикет. Так, например, танцующие мужчины в его присутствии не сидели, а стояли на ногах. Все это народ делал умышленно, чтобы поднять его престиж перед туземцами. Они называли его Ярым Падша (половина Государя). При поездке по городу и в походе его сопровождала сборная сотня с его значком. Лучшие казаки из уральцев, оренбуржцев и сибиряков составляли этот конвой под командой одного из лучших кавалерийских офицеров.

В описываемое мною время офицеры 1-го батальона представляли дружную семью, руководимую авторитетом старших, к коим молодежь относилась и вне службы с большим почтением и уважением. Все случайные недоброкачественные элементы немедленно удалялись из состава по представлениям командира батальона через инспектора стрелковой части. Служить в 1-м батальоне считалось большой честью. Общество и высшее начальство всегда выдвигало офицеров этого батальона на все выдающиеся назначения по администрации края и военным вопросам. Здесь служили такие выдающиеся личности, как Алексей Николаевич Куропаткин, М. Е. Ионов²⁹, генерал Грипенберг³⁰, Сидор Сверчков³¹, Павел Петрович Калитин, Е. Е. Транзе³². Батальон этот заслужил громкую боевую славу

---

²⁹ Михаил Ефремович Ионов (1846–1924) – русский генерал от инфантерии (1907), участник Туркестанских походов, наказной атаман Семиреченского казачьего войска.

³⁰ Оскар-Фердинанд Казимирович Грипенберг (Oskar Ferdinand Gripenberg; 1838–1915) – генерал-адъютант (1904), генерал от инфантерии (1900), участник Крымской войны, Туркестанских походов и Русско-турецкой войны 1877–1878 годов, командующий 2-й Маньчжурской армией в Русско-японской войне).

³¹ Исидор Дмитриевич Сверчков (1837–1907) – генерал от инфантерии, участник Среднеазиатских походов, Тавастгусский губернатор.

³² Транзе – он же фон Транзеге Егор (Георгий, Отто) Егорович (Георгиевич) (1845–1908) – генерал-майор (1895), генерал-лейтенант (1902).

при Джизаке, Ура-Тюбе, Ходженте, Ирджаре, Зара-Булаке, Самарканде, Хиве, Махраме – Намангане, Кульдже, на Памире, Андижане и при покорении Ферганы в Кокандских походах 1875–1876 годов. На всех ступенях службы никогда не было ни одного позорящего случая нарушения долга службы и чести офицера этого батальона. Гвардейские офицеры, наезжавшие для отличий в Туркестан, стремились служить в рядах этого славного батальона.

В 1870 году привожу список офицеров 1-го батальона³³.

Почти все офицеры батальона были молодежь, жили по квартирам по двое-трое и столовались в ресторанах или же по маленьким артелям. В доме Нестеровских жила самая большая группа около семи человек, в том числе штабс-капитан А. Н. Куропаткин и штабс-капитан Генерального штаба барон Каульбарс³⁴, М. Е. Ионов, П. В. Аверьянов³⁵ и другие.

Они имели общий стол, гимнастический город и жили по два-три человека в комнате, за исключением Куропаткина, который жил в отдельной комнате и усердно занимался, готовясь в Академию Генерального штаба.

Они играли в городки, боролись с Куропаткиным, который обладал медвежьей силой, и его не могли побороть три-четыре человека. У всех офицеров были лошади, и многие любители держали кровных лошадей. Спорт был в большой моде. Ионов, Транзе держали

---

³³ В бумагах генерала информации об этом не сохранилось.

³⁴ Александр Васильевич Каульбарс (14.05.1844–25.01.1929) – барон, русский военный деятель и ученый-географ, генерал от кавалерии (1901), член Военного совета (1909), один из организаторов русской военной авиации. Министр обороны и председатель совета министров княжества Болгарского в 1882–1883 гг. Участник похода в Кульджу 1871 г., Хивинского похода 1873 г., Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., военных действий в Китае 1900–1901 гг., Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн на стороне Белого движения. Награжден золотым оружием с надписью «За храбрость». В Первую мировую войну находился в распоряжении командующего Северо-Западным фронтом (август 1914). Одновременно (6.10.1914–21.10.1915) являлся заведующим организацией авиационного дела в армиях Северо-Западного фронта. До конца 1915 г. на него фактически было возложено все руководство авиацией действующей армии. После захвата власти большевиками уехал на Юг России. С 15.10.1918 г. в Добровольческой армии (в Одесском центре; утверждён 02.02.1919 г. в резерв армии). С 02.07.1919 г. в резерве чинов при штабе Главнокомандующего ВСЮР. Эвакуировался в Константинополь. Затем жил в Болгарии и Франции. В Париже работал до конца жизни в конторе частного Радиотелеграфного общества. Был почетным председателем Союза русских летчиков. Скончался в эмиграции в Париже, похоронен на кладбище Сент-Женевьев де Буа.

³⁵ Платон Варламович Аверьянов (1846 – после 1894) – участвовал в среднеазиатских походах 1866 г., 1867-1875 гг., в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг., полковник армейской пехоты (1885), затем начальник Поземельно-податного отдела при Ферганском областном правлении и правитель канцелярии начальника Закаспийской области, уволен в отставку с мундиром и пенсией с производством в генерал-майоры (1894).

самых лучших лошадей. Молодежь увлекалась постоянной сменой лошадей на конном базаре, и барышники наживались, спуская неопытным часто негодных и бракованных лошадей.

Главными квартирами кроме дома Нестеровского были квартира дяди Эгерта, дом Деннета, дом дьячка Мозжевитинова, дом Заушкевича и Кара Тюри Ширкова. Домовладельцы только белили стены и очень плохо замазывали камышовые плоские крыши. В период дождей они протекали, в комнатах стояли тазы, чашки, горшки и другие сосуды, куда с потолка капала вода, образуя большие лужи на полу. Над кроватями натягивали полотнища холщовых и шерстяных одеял. Целые группы молодежи по очереди ходили друг к другу покушать в складчину. Покупали продукты для плова: рис, баранину, лук, морковь, кишмиш, чернослив. Приносили с собою и дрова, и в большом чугунном котле знатоки приготавливали вкусный плов. Ели дыни, виноград, пили чай в большом количестве и белое жиденькое первушинское вино, и «Красный Гаррис», пели хором под гитару.

*Офицеры 1-го Туркестанского стрелкового батальона.
Слева направо: майор Андрей Петрович Чайковский, поручик Алексей Николаевич Куропаткин,
капитан Александр Васильевич Каульбарс. Ташкент, 1870 г.
РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5182. Л. 12*

Каждую зиму на Рождественские праздники большая компания с командой охотников-стрелков отправлялась в горы на кабанов. Охотничья команда ушла с офицерами с осени, когда кабаны [были] очень жирные, питаюсь орехами и хлебами на полях. Любимыми местами охоты были окрестности горных селений Ходжикента, Чимбайлыка, Хазнайлыка

и Кумсина. Охотники-стрелки жили в этих селениях весь период охоты на кабанов. Их содержание окупалось доходом от продажи убитых животных, щетины, клыков. Кроме того, роты имели к празднику окорок, колбасы, буженину и сало для борща. Первый батальон, по мысли наших офицеров, положил первое начало охотничьим командам в нашей армии. Это здоровое занятие доставляло приятное развлечение, и многие были страстными охотниками. Оказавшись в туземных саклях селений, позавтракав, охотники с многочисленными стаями приученных собак отправлялись по глубокому снегу на охоту. Овраги, заваленные снегом иногда по пояс, представляли большое затруднение для ходьбы. И тогда нанимали у горцев лошадей и их самих для помощи, как знатоков местности и проводников. Вечером, уставшие и голодные, возвращались домой, обогрелись у пылающих каминов, очагов, ужинали и весело проводили время, вспоминая эпизоды дня. Убитых кабанов навьючивали на лошадей, выдергивали щетину, палили их огнем и несколько десятков отправляли в Ташкент на сартовских арбах. Вечером устраивали импровизированный туземный бал базм, пляску бачей – мальчиков, переодетых в женские костюмы³⁶.

С нашими офицерами отправлялись штабс-капитан барон Каульбарс и большой друг моего брата и наших офицеров Генерального штаба капитан барон Аминов³⁷, бывший офицер лейб-гвардии уланского полка. Гигантского роста, атлетического сложения, но добродушного милого характера, он, комично замерзая на охоте, просил у Павлика водки: «Павлик, дай мне каплю водки». Эта капля была чайный стакан, который этот гигант выпивал залпом. На Пасху тоже уезжали, кто мог, на охоту.

Очень были приняты частые поездки в Чиназ к семейству Федоровых. Обыкновенно весной и летом после вечернего занятия группа молодежи верхом пробегала 60 верст и к утру приезжала в Чиназ. Проводила там воскресенье и к утру следующего дня уже была на стрельбах или утренних занятиях. В этом гостеприимном семействе были барышни, за которыми ухаживала молодежь. Молодые дамы были солидными нашими товарищами, которые прельщались богатой охотой в камышах по берегам Сыр-Дарьи. Три брата семейства Федоровых служили в нашем батальоне, а штабс-капитан Ионов был женат на одной из их сестер Ольге Дмитриевне. Знаменитый охотник 4-го линейного батальона

---

³⁶ Базм не совсем бал, это танец мальчика бачи, переодетого в женскую одежду, под музыку, при этом выступлении необязателен сам танец, он произволен, но возможны и просто остроумные недетские шутки, в том числе и довольно фривольного содержания.

³⁷ Аминов – барон Иоганн-Фридрих-Густав Александрович Аминов (1844—1899) — генерал-лейтенант (1895), участник Туркестанских походов и Русско-турецкой войны 1877—1878 годов, происхождением из русских в Финляндии, родственник финским Калитиным, Куопиоский губернатор.

Санька Рукин был женат на Наташе Федоровой, симпатичной молодой даме, в которую был безнадежно влюблен Фриц Шауфус, покончивший впоследствии самоубийством из-за неразделенного чувства. Младший член этой семьи Митька Федоров вместе со мною был рядовым вольноопределяющимся в нашем батальоне. Писатель Николай Николаевич Каразин описал это семейство в своем романе «В камышах», и старика Федорова, капитана местной чиназской артиллерии, называл старым пушкарем.

Раз даже была устроена на берегу Сыр-Дарьи в нескольких верстах от Чиназа охота на тигров. Из Ташкента приехала целая группа опытных охотников, привезли сруб из толстых бревен да крышку над ямой, в которой засели на ночь охотники. Недалеко от ямы была привязана собака, как приманка для тигра. В нескольких местах на тигровых тропинках в камышах были поставлены заряженные ружья с взведенными курками. От спуска к особому колышку был привязан шнурок с таким расчетом, что едва тигр дотронется до шнурка, произойдет выстрел, и пуля попадет в животное. Между охотниками были полковник Разгонов³⁸, старый кавказец, мой брат Павел, Иван Николаевич Плотников³⁹, Ионов, Сашка Рукин и два-три стрелка. Но тигр к ним не пришел. Все они пили водку, закусывали и задремали, и на рассвете Разгонов чуть не застрелил собаку, приняв ее за тигра. Тигры близко подошли к обозу в 2 сажнях⁴⁰ от лабаза и страшно напугали нас с Митькой Федоровым, бывших по малолетству в обозе, и четырех оренбургских казаков, залезших от страха под кошму в телегу. Много потом все смеялись над этой охотой. Майор Ширков, туркмен, в 1871 году охотясь по берегу Сыр-Дарьи в окрестностях Чиназа, неожиданно встретил тигра. Не растерявшись, Ширков из обоих стволов дробью выстрелил почти что в упор в голову тигра и выбил ему оба глаза. Разъяренный тигр сначала бросился в сторону охотника, но потом начал бросаться в разные стороны, катался по земле, ревел от боли и

---

³⁸ Николай Иосифович (Осипович) Разгонов (1831–1902) — генерал от инфантерии (1896, отставка). В ноябре 1871 года полковником переведен на службу в Туркестанский военный округ, в распоряжение главного начальника Туркестанского края, для поручений при штабе Туркестанского военного округа. В 1873 году принимал участие в Хивинском походе, а в 1875 году в Кокандском походе. Генерал-майор (30.08.1878). Затем назначен помощником начальника штаба Туркестанского военного округа. С 1 января 1885 по 1 января 1886 г. был начальником штаба Туркестанского военного округа. Генерал-лейтенант (1888). (есть фото)

³⁹ Иван Николаевич Плотников (1839–1889) – генерал-майор. В 1873 году, будучи еще в чине капитана, Плотников командовал двумя ротами 1-го Туркестанского стрелкового батальона, участвовавшего в Хивинском походе. Затем, в последнюю Русско-турецкую войну, Плотников командовал уже частью Туркестанского отряда. До 1887 года все время находился в Туркестане, командуя 1-м Туркестанским линейным батальоном и состоя с 24 октября 1879 г. в чине полковника. С начала 1880-х годов заведовал производством смотров стрельбы в частях войск, расположенных по реке Сыр-Дарье.

⁴⁰ Чуть более 4 метров.

свалился с крутого берега в воду. Тигр, стараясь плыть в воде, захлебнулся и утонул. По указанию Ширкова киргизы вытащили его уже трупом.

Я застал еще шестилетний срок службы у солдат. Батальоны комплектовали из жителей Оренбургской, Самарской, Уральской и Астраханской губерний. В нашем 1-м стрелковом батальоне были очень хорошие солдаты. Отношения офицеров к солдатам были очень хорошие и сердечные. Люди платили за это привязанностью к своим офицерам. Молодые офицеры с усердием занимались грамотой с солдатами и вели строевые занятия по указанию ротных командиров, бывших шефами и главнокомандующими своих рот. Солдаты были одеты хорошо, особенно летом, в белых рубашках, в белых фуражках с наматыльниками и в красных замшевых чембарах, их подкрашивали дома в ротах и тогда [же] хвосты и гривы ротных лошадей и собак подкрашивали малиновой окраской.

Чтобы я не был праздным, я поступил писцом в областное управление и получал ежемесячно по 25 рублей. Кроме этого, я давал уроки русского языка прехорошенькой барышне по фамилии, кажется, Шиндлер.

Приятелями Д. Н. Шауфуса были капитан Генерального штаба А. Я. Фриде, Валериан Павлович Тихменев⁴¹, Николай Иванович Корольков, которого за любовь к ботанике звали Цветковым, барон Аминов, штабс-капитан барон Каульбарс, старшие офицеры Генерального штаба были: начальник штаба Дандевиль⁴², полковники Троицкий⁴³,

---

⁴¹ Валериан Павлович Тихменев (1851–?) – генерал-майор (1899), генерал-лейтенант (1906), генерал от инфантерии (1911), был начальником штаба Омского военного округа.

⁴² Виктор Десидерьевич Дандевиль (1826–1907) – русский генерал французского происхождения, участник Туркестанских походов и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Дандевиль 14 июня 1867 года был назначен начальником штаба только что образованного Туркестанского военного округа и награжден орденом Св. Станислава 1-й степени. В течение следующих трех лет был ближайшим помощником генерала Кауфмана. Расстроенное здоровье побудило Дандевиль оставить Туркестан, и он 22 сентября 1871 года был прикомандирован к главному управлению иррегулярных войск, в котором 29 марта 1872 года занимал должность начальника Главного управления казачьих войск.

⁴³ Виталий Николаевич Троицкий (1835–1901) – российский генерал-адъютант (1897), генерал от инфантерии (1894). 27 мая 1866 г. назначен начальником штаба войск Туркестанской области, а с переименованием ее 21 июля 1867 года – начальник штаба войск Сыр-Дарьинской области. Два года спустя, 1 ноября 1869 г., был назначен на должность помощника командующего войсками области. С 10 января 1873 года – начальник штаба Туркестанского военного округа. В Бухарскую кампанию, находясь в отряде генерал-майора Романовского, участвовал в осаде, штурме и взятии Ура-Тюбе, в осаде Замлина и во взятии Джизака. В последующие годы принял деятельное участие в Шахриябской экспедиции (1870), в Хивинском походе (1873) и Кокандской экспедиции (1875), в походе во время покорения Кульджинского ханства (1876). Генерал-майор (1870), а 22 июля 1873 г. назначен в свиту Е. И. В. 5 мая 1878 года назначен военным губернатором и командующим войсками Сыр-Дарьинской области. Генерал-лейтенант за отличие по службе с оставлением в настоящих должностях и по Генеральному штабу (1880).

Дмитровский⁴⁴, Разгонов и полковники Александр Иванович Глуховской, Деннет и капитан Генштаба Соболев⁴⁵. Командующим войсками Сырдарьинской области и военным губернатором был Николай Никитич Головачёв⁴⁶. Он был кавказец, бывший командир Навагинского полка. Сам Кауфман был кавказец и при штурме Карса в 1855 году, командуя стрелковым батальоном, получил Георгия 4-й степени. Полковник А. В. Пистолькорс⁴⁷ – старый боевой кавказец, майоры Травло⁴⁸, Назаров, Папаригопуло⁴⁹ были также старыми боевыми офицерами-кавказцами, перекочевавшими в Туркестан для боевых отличий.

Полторацкий (Записки Полторацкого⁵⁰): «Кавказцы, приехавшие в Туркестан, положили начало Туркестанской школе».

Генералы Виталий Николаевич Троцкий, Михаил Григорьевич Черняев и полковник Юний⁵¹ были участниками Севастопольской кампании.

Однажды в компании наших офицеров мой брат Павел и я обедали в ресторане Розенфельда. В залу вошел какой-то молодой офицер и очень вежливо поклонился, проходя мимо нас. Наша компания очень сухо отнеслась к этому, и никто не ответил на его приветствие. «Кто это такой?» – спросил я. «А это дикий Скобелев, который

---

⁴⁴ Виктор Иванович Дмитриевский (1834–1902) – русский генерал от инфантерии (1898), полковник (1868), генерал-майор (1877), генерал-лейтенант (1886), участник Туркестанских походов и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг.

⁴⁵ Леонид Николаевич Соболев (1844–1913) – русский генерал от инфантерии (1903), участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., премьер-министр Болгарии (1881–1883). В 1868 г. был прикомандирован к штабу войск Сыр-Дарьинской области в Туркестане, подполковник (1871), полковник (1874), генерал-майор (1880, 1884 старшинство), генерал-лейтенант (1894). Автор многочисленных публикаций в журналах о Туркестане, Болгарии и Русско-японской войне.

⁴⁶ Николай Никитич Головачёв (1823–1887) – русский генерал-лейтенант (1873), участник Кавказской войны и Туркестанских походов.

⁴⁷ Александр Васильевич Пистолькорс (1824–1879) – генерал-майор (1869), герой Туркестанских походов.

⁴⁸ Эпаминонд Павлович Травло (1834–?) – полковник (1876), подполковник (1873), майор (1871), служил в 1871–1873 гг. в 1-м Туркестанском линейном батальоне. Полковник в отставке с 1883 г..

⁴⁹ Николай Иванович Папаригопуло (†1915) – генерал-майор (1887), полковник (1881), подполковник (1872).

⁵⁰ Владимир Алексеевич Полторацкий (1828–1889) – русский генерал и мемуарист, участник Кавказских и Туркестанских походов и Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Его «Воспоминания» касательно Туркестанских походов печатались в журнале «Исторический вестник» в 1895 году (январь-июль).

⁵¹ Михаил Павлович Юний – офицер с 1847, полковник с 1874 г., герой последнего дня Севастопольской осады, получивший орден Св. Георгия 4-й степени, командир 15-го Туркестанского линейного батальона.

прикомандирован к резерву в Чиназе». Никто не думал, что впоследствии это будет прославленный герой Хивы, Ферганы, Турции и Геок-Тепе. Он выглядел как-то растерянным и беспокойным. Его деятельная придирчивая натура искала выхода и деятельности.

В 1871 году я поступил вольноопределяющимся рядовым на двухлетних правах во 2-ю роту 1-го Туркестанского стрелкового батальона к строгому ротному боевому офицеру штабс-капитану Павлу Петровичу Калитину. Дядькою и преподавателем воинского артикула был назначен старый унтер-офицер Никифоров. Учение происходило во дворе у брата. Я был очень маленького роста, игрушечный солдат. Я уже ходил в караул от гауптвахты у фронта и во-зил орудие в крепость, которое стреляло в 12 часов пополудни. Однажды сидевший на гауптвахте старый юнкер Шишкин схватил меня в охапку с поста на фронте у гауптвахты и, несмотря на мои угрозы заколоть его штыком, принес и поставил в комнату караульного начальника. Чтобы я лучше мог усвоить солдатскую службу, я, по приказанию брата, жил в казарме 2-й роты на нарах и довольствовался из общего котла. После экзаменов в штабе округа меня произвели в младшие унтер-офицеры. Несколько раз я сидел под арестом и назначался вне очереди дежурным по роте за наказания. Добрые солдаты меня утешали, говоря, что надо терпеть наказание от брата. И он наказывает своего родного брата для примера соседям, тем, что жили с ним вместе в казарме. Я узнаю всю солдатскую жизнь и потом буду хорошим ротным командиром, буду знать все солдатские нужды и всю службу. Вместе со мною были мои товарищи вольноопределяющиеся унтер-офицеры Петр Белов и Дмитрий Дмитриевич Федоров. Командир батальона полковник Пищемука держал себя строго и с большим достоинством. В батальоне показывался редко. Смотр батальона делал раз в году. Командующий Сырдарьинской областью генерал Николай Никитич Головачев за несколько дней вперед об этом отдавал приказ и начинали готовиться к смотру.

Денежный ящик, по обыкновению, всегда был разобран у офицеров по рукам. И все офицеры, которые были должны, скакали по купцам, занимали на несколько дней деньги и вносили их в денежный ящик на время смотра. После смотра деньги возвращались. Помню, что однажды даже жалованье Кауфмана, взятое у его адъютанта Фан дер Флита, попало на несколько дней в наш денежный ящик. Карточная игра была очень распространена между офицерами всех частей. Поэтому генерал Кауфман для примера должен был предать суду нескольких офицеров линейного батальона за проигранные казенные деньги. В 1-м батальоне пострадал поручик Сверчков. Иногда наши офицеры по случаю чьих-либо именин собирались компанией, ужинали и немного кутили или когда играли в карты. В большом ходу были вина, портер, эль и шампанское, любили напиток названием «Медведь»

– смесь шампанского и портера⁵². Торжественно справляли батальонный праздник, для чего нанимали всегда большой дом.

Батальон был боевой и имел отличия на шапках за штурм Ходжента, Ура-Тюбе и Джизака. Батальонные учения проходили за Кокандскими воротами на Кокандском поле. Пищемука выезжал на своем гнедом Ваське и держался молодцом и фертом.

Я застал еще линейные винтовки, заряжающиеся с дула. Этими винтовками был завоеван Туркестан. В конце 1871 года начали вводить скорострельную винтовку системы доктора Бердана. Сначала было прислано только несколько винтовок и правила обращения с оружием. Все основательно изучили офицеры и унтер-офицеры, а затем уже раздавали в роты. Были кожаные надульники и получехлы для предохранения от пыли. С винтовками обращались как с грудными детьми и буквально сдували с них каждую пылинку. Строго воспрещалось класть винтовку на землю, а обязательно держать ее в руках. Винтовки, сделанные в Америке, были образцом совершенства по отделке и точности в работе. Каждый винтик был образцом по отделке, только ложи из американского ореха были не особенно прочны, и впоследствии в России их заменили березовыми. Стрельбой, как и подобает, стрелки очень увлекаются. Стрельбище было за Саларом, куда переходили по Первушинскому деревянному мосту. Рядом со стрелковым полем на берегу Салара был Конский базар, где кроме лошадей продавали скот, баранов и верблюдов. В одной чайхане на почетном месте восседал на ковре знаменитый знаток лошадей и лошадиный барышник старый Гулимша, бывший старший конюх кокандского Моляхана, его шталмейстер. Он одинаково взимал дань с продавца и покупателя, обращавшихся к нему за одобрением покупаемого и продаваемого коня. Надо было видеть, как молодцы сарта-барышника бросались на конях с обрывистого берега в реку, нахваливая своего коня и искусно скрывая его брак и недостатки. Здесь же на Стрелковом поле и Лошадином базаре происходили бега с козлом, называемые сартами «улак». Любимое конное ристалище всей Средней Азии как незаменимый конный спорт, где показывается умение управлять конем и искусство всадника. Во время скачки у одного из всадников был козел. Надо было вырвать козла и ускакать от преследователей. Начиналась погоня по всей окрестности, скачка через все препятствия: арыки, рвы, овраги, реку. Вырвав козла и уйдя от преследователей, которые за ним толпой, победитель всегда подсакивал к старшему игроку, судящему, и бросал козла к его ногам, получая за это от него халат, деньги и вообще какой-нибудь подарок.

---

⁵² До революции «Медведем» называли смесь водки с портером, то, что сейчас называется ершом, но в Туркестане, возможно, медведем называлась другая смесь.

Скачки эти бывали всегда по случаю праздника, помолвки, свадьбы, обрезания мальчиков, рождения сына, возвращения из похода, в честь приезда знатного гостя.

В конце 1871 года прибыли 2-й, 3-й и 4-й стрелковые батальоны и 1-й Туркестанский стрелковый батальон вошел в состав Отдельной Туркестанской стрелковой бригады. Начальником бригады стал генерал-майор Николай Федорович Бардовский⁵³, гвардейский офицер, хороший человек, но большой заика. Чем больше он волновался, тем больше заикался. Однажды он разговаривал с одним заикой офицером и, не зная его недостаток, страшно рассердился, думая, что его передразнивают. Вышла очень комичная сцена, когда два заики начали сердиться друг на друга.

Насколько я помню, командирами батальонов были: 2-го – Веймарн⁵⁴, 3-го – Новомлинский⁵⁵ и 4-го...⁵⁶ Встречи офицеров 1-го батальона были на квартире Андрея Петровича Чайковского, в доме Эгерта. Рядом с этим домом во дворе стоял какой-то важный проезжающий чиновник со своею супругою. Она громко кричала и не пускала своего мужа пройти через двор Чайковского, где был мостик через глубокий арык Шавла: «Не ходи туда, там пьяные офицеры». Чиновник в свою очередь начинает бранить офицеров, которые после обеда сидели за столиками во дворе. Возмущенные таким поворотом, Куропаткин и несколько офицеров взяли чиновника и, желая охладить его непристойную горячность, опустили несколько раз по горло в воду и предупредили, что если он не перестанет ругаться, они его высекут. Испуганный чиновник, мокрый, побежал

---

⁵³ Николай Федорович Бардовский (1832–1890) – генерал-лейтенант (1881); скоропостижно скончался на маневрах под Луцком. По окончании курса в Дворянском полку (впоследствии 2-е Константиновское военное училище) в 1852 г. поступил прапорщиком в ряды С.-Петербургского гренадерского полка, откуда в следующем году был переведен в л.-гв. Московский полк, а в 1856 г., как отличный стрелок, во 2-й Царскосельский стрелковый батальон (впоследствии л.-гв. 2-й стрелковый). Участвовал в кампаниях 1857, 1863 и 1864 гг., в 1864 г. назначен в чине полковника командиром 41-го резервного пехотного (кадрового) батальона; в 1866 г. получил начальство над 66-м пехотным Бутырским полком, в 1871 г. назначен командиром Туркестанской стрелковой бригады и в 1872 г. произведен в генерал-майоры. В Хивинском походе (1873) был награжден золотой саблей с надписью «За храбрость». С 1879 г. Бардовский состоял начальником 7-й пехотной дивизии; в 1883 г. был назначен начальником 1-й пехотной дивизии, а в 1887 г. получил в командование 3-ю гвардейскую. Как близко знакомый со стрелковою частью в войсках, он неоднократно принимал деятельное участие в комиссиях по разработке этого вопроса, а также и в комитете по устройству и образованию войск.

⁵⁴ Леонард Густавович Веймарн († 1873) – командир 2-го Туркестанского стрелкового батальона, прапорщик (1842), полковник (1870).

⁵⁵ Николай Васильевич Новомлинский (1830–1880) – прапорщик (1855), полковник (1868), командир 3-го Туркестанского стрелкового батальона, генерал-майор.

⁵⁶ Вероятно, автор не мог вспомнить и оставил этот вопрос до лучших времен. Однако мы теперь можем уточнить: командиром 4-го батальона в 1871 году был подполковник Аполлон Яковлевич Фриде.

жаловаться к командующему войском генералу Головачеву. Он сказал, что офицеры 1-го батальона обещают его высечь. «Это сказали офицеры, что они Вас высекут?» – спросил Головачев. «Так точно». – «Ну так это верно, что высекут. Раз сказали – значит высекут. Это народ серьезный, и что обещали, то сделают непременно. Самое лучшее, уезжайте скорее от греха подальше подобру-поздорову. Вот Вам мой совет».

Летом 1871 года штабс-капитан А. Н. Куропаткин уезжал в Академию Генштаба.

*Капитан Алексей Николаевич Куропаткин.
РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Д. 5182. Л. 4*

Проводы его очень торжественно справлялись в саду Д. Н. Шауфуса. Все очень хорошо покутили до раннего утра. Павлик очень напился и, лежа на столе, говорил мне: «Петька, ты у меня единственный!» Я тоже напился и, кажется, требовал революцию! После все поехали верхом провожать его до избушки, и Гранзе стрелял из револьвера.

Около Минь-Урюка, около высоких холмов Ук-Тюбе, по мысли сумасшедшего полковника Генерального штаба Глуховского⁵⁷ построили лавки, где Ташкентская ярмарка, и при открытии ее гнали нагайками купцов со старого городского базара, но после открытия ярмарки, которой заведовал сам инициатор этого дела Глуховской, был парадный завтрак,

---

⁵⁷ Александр Иванович Глуховский (Глуховской) (1838–1912) – русский генерал от инфантерии (1911), участник Туркестанских походов. С 1866 года подполковник, офицер Генерального штаба, состоящий для поручений при штабе Оренбургского военного округа. Был послан генералом Черняевым в Бухару в составе посольства К. В. Струве, где находился под арестом 7 месяцев. 27 июня 1867 года был награждён орденом Св. Георгия 4-й степени за штурм Ура-Тюбе, за отличие в военных действиях против Бухарского ханства получил золотое оружие с надписью «За храбрость».

на котором начальник окружного штаба генерал Мозель⁵⁸ упал пьян, а Терентьев, шагая через него, говорил: «Перешел через Мозель⁵⁹».

Купцы, которые имели свои насиженные места, караваны, сараи и склады в старом городе, вскоре бросили ярмарочные лавки, и ярмарка прекратила свое существование. Впоследствии в этих лавках поселили приехавших меннонитов⁶⁰.

Осенью 1872 года я с Михаилом Терентьевым и маленьким Андрюшей Фриде⁶¹ уехал в Оренбург поступать в Оренбургское юнкерское училище. Командиром роты был строгий офицер капитан Петр Тимофеевич Редькин⁶², офицер нашего 1-го Туркестанского батальона. В училище была суровая и бесчеловечная, до унижения скучная муштра. Педагогический состав училища был довольно грубый и не особенно приятный. Зимой я увиделся с Д. Н. Шауфусом. Он навсегда покидал Туркестан для командования пехотным Киевским гренадерским полком. Мы с ним нежно простились.

Вскоре после Нового (1873-го) года была назначена Хивинская экспедиция. Из Оренбурга тоже направлялись войска. Я бросил училище, чтобы идти в Хивинский поход, и уехал с Н. А. Певцовым, ведшим штыковой обоз и экипажи Великих князей Николая

---

⁵⁸ Адольф Иванович Мозель – генерал-майор (1872); прапорщик (1851), полковник (1867), военный писатель 1860–1870-х гг. В 1872–1875 гг. он был только помощником начальника штаба Туркестанского военного округа.

⁵⁹ Игра слов: Мозель – река в Германии и Франции.

⁶⁰ Меннониты – представители одного из протестантских учений, возникшего в 1530-е годы в ходе реформации в Нидерландах. Меннониты по своим религиозным убеждениям отказываются брать в руки оружие. Впервые появились в России при императрице Екатерине II, как и прочие немецкие колонисты. В 1854 г. появились колонии меннонитов в Поволжье. В 1874 г., по закону о всеобщей воинской обязанности, все колонисты в России были признаны подлежащими воинской повинности, это было истолковано меннонитами как требование, несогласное с их религиозными убеждениями, значительная их часть решила выселиться из России, либо за границу, либо в мусульманские владения России, где по религиозным соображениям не призывали в армию. Так из Самарской губернии в 1880-е гг. выселилось 10 семейств в Сыр-Дарьинскую область, где они основали 4 колонии.

⁶¹ Андрей Аполлонович Фриде (1862 – п. 1917?) – окончил Оренбургский кадетский корпус (24.08.1872 – 15.08.1876), прапорщик (1884), на 1917 г. полковник, уволен в отставку.

⁶² Петр Тимофеевич Редькин (1841 – 1916) – генерал от инфантерии в отставке (1904), командир роты юнкеров Оренбургского пехотного юнкерского училища (1869–1876), капитан (1872), майор (1876). Участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., воевал на территории Болгарии, за боевое отличие получил чин подполковника (1877), полковник (1879), генерал-майор (1894), генерал-лейтенант (1901).

Константиновича⁶³ и Евгения Максимилиановича⁶⁴. Я оделся в тяжелую шубу и валенки. В степи стояли страшные холода, ветры и бураны. В Орске нас нагнал ехавший курьером в Ташкент полковник Принтц⁶⁵. И я оставил Н. А. Певцова и поехал с Принтцем, кочуя, ехали в крытом возке. Дорогой на спиртовой лампочке мы варили пельмени и ели их со сливочным маслом. Один раз наши лошади пристали. Киргиз ямщик поехал в аул, чтобы их заменить другими, и обещал немедленно вернуться. Он исчез до утра, и мы целую ночь не вылезали из возка. Нас до половины возка занесло снегом. Мы ели масло, кипятили воду и пили чай, чем только и спаслись от замерзания. Почти сутки мы провели в степи, занесенные бураном. Ямщик явился с парой лошадей только к полудню следующего дня. По дороге мы встретили около Аральского моря генерала Головачева на пятерке лошадей. Он остановился и поговорил с полковником Принтцем. Мы прибыли в Ташкент в самое горячее время сборов в поход. Оставшиеся завидовали уходящим. Из нашего батальона в поход шли 1-я и 2-я роты, Павлик и Ионов с полубатальонным командиром капитаном Иваном Николаевичем Плотниковым. Пищемука с 3-й и 4-й ротами оставался в Ташкенте.

В 1874 году наш строгий командир полковник Пищемука⁶⁶ был произведен в генерал-майоры и уволился по своему желанию, по нездоровью, в отставку. Он купил себе хорошенький домик в Таганроге, где и скончался впоследствии от болезни, изъевшей его лицо. Я встречал его впоследствии на минеральных водах в Кисловодске. Из бравого молодца он, бедняга, превратился в совершенную развалину с изъеденным проказою и распухшим лицом. При нем была постоянно сестра милосердия, милая девушка,

---

⁶³ Великий князь Николай Константинович (1850–1918) – первый ребенок великого князя Константина Николаевича, младшего брата российского императора Александра II. Внук Николая I, двоюродный брат Александра III. В 1873 году Николай Константинович отправился в составе русских экспедиционных войск в поход на Хиву. Во главе авангарда Казалинского отряда, понесшего наибольшие потери, следовал одним из труднейших маршрутов, через пустыню Кызыл-кум. Первая же разведгруппа, возглавленная им, попала в такой плотный артиллерийский огонь, что в отряде их возвращения живыми уже не ждали. За участие в Хивинском походе был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени. Недавно напечатаны его походные письма отцу.

⁶⁴ Светлейший князь Евгений Максимилианович Романовский, 5-й герцог Лейхтенбергский (1847–1901) – член Российского Императорского дома, генерал от инфантерии (с 1898), генерал-адъютант. В 1873 году участвовал в походе на Хиву и за отличие был награжден орденом Святого Георгия IV степени. Также ему была вручена золотая сабля, он был пожалован флигель-адъютантом к Его Императорскому Величеству и зачислен в Оренбургское казачье войско.

⁶⁵ Андрей Густавович Принтц (1838–1878) – подполковник (1865), полковник (1872), участник Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., член Русского географического общества.

⁶⁶ Михаил Алексеевич Пищемука – прапорщик (1851), полковник (1868), командир 1-го Туркестанского стрелкового батальона.

посвятившая себя уходу за больным. Уезжая с Кавказа в Туркестан, я посетил Михаила Алексеевича в Таганроге и гостил у него несколько дней. При проводах в Ташкенте офицеры поднесли Пищемукке ценный альбом со своими портретами и сердечно чествовали его прощальным обедом и проводили верхом до избушки. Первый батальон после него принял полковник Гарновский⁶⁷ – большой педант, но человек без военного духа, не пришедшийся по вкусу нашим офицерам, человек, не знавший туркестанской жизни и психологии офицерства.

Незадолго до похода Фриц Шауфус, живший в бывшем доме Павлика (который продал его солдату Лапину, денщику И. Н. Плотникова), долго хандривший от безнадежной своей любви к Н. Рукиной, смертельно ранил себя из маленького револьвера, и пуля попала в позвоночник. Он лежал в кровати с парализованными ногами и очень мучился. Во время похода по Голодной степи мы получили горестное известие, что Ф. Н. Фриц Шауфус скончался от своей раны позвоночника. Мы все очень жалели этого милого человека, погибшего из-за своего увлечения прекрасной женщиной, не могшей разделить его чувств, будучи замужем. Она тоже вскоре умерла.

В доме Шауфуса поселился Алексей Яковлевич Фриде⁶⁸, капитан Генерального штаба. Все идущие в поход купили себе кожаные сундуки и собственных верблюдов. Павлик купил верблюда и сделал вместительную палатку, подбитую толстым солдатским сукном и белой кашгарской кошмою. Люди имели бутылки для воды, обшитые кошмою, котелки и десятинные медные взводные котлы, и баки. Заготавливались сухари, рис, ячмень, верблюжьи консервы. Предстоял далекий, трудный степной поход по песчаным безводным пустыням, по колодцам и не исследованным никем из русских неизвестным путям. Где-то далеко была неизвестная для нас Хива. На картах того времени была нанесена Аму-Дарья и желтое песчаное место в кружке, где было написано «Хива».

---

⁶⁷ Пётр Иосифович Гарновский (1836–1899) – генерал-майор (1892), командир 1-го Туркестанского стрелкового батальона (3.09.1874 – 19.03.1879).

⁶⁸ Алексей Яковлевич Фриде (1838–1896) – генерал-лейтенант (1894), участник Туркестанских походов, наказной атаман Семиреченского казачьего войска, ярославский губернатор.